

*Р.Г.Громова,
Интерцентр*

Социальные группы как участники трансформационного процесса

Структура общества: номинальные группы
или социальные агенты

Попытки преодолеть "бессубъектность" в социологических описаниях трансформационных процессов часто приводят к тому, что в качестве субъектов трансформационной активности рассматриваются различные социальные группы: элита, средний слой, бюрократия. При анализе данных массовых опросов, которые дают возможность эмпирической идентификации социоструктурных групп, анализируется также поведение этих групп как единых действующих субъектов, т.е. номинальные, статистически построенные группы начинают незаметно рассматриваться как реально существующие, а не являющиеся артефактом, полученным в ходе исследования.

Социальная структура — вещь вообще довольно условная, поскольку она меняется в зависимости от того, какие стратификационные критерии выбираются для ее построения. Используя разные наборы стратификационных параметров, мы получаем как бы разные "срезы" структуры одного и того же общества. Можно предположить, что в принципе существует возможность идентифицировать такой срез социальной структуры, в котором элементы будут максимально приближены к реальным группам. Можно также предположить, что такая структура (назовем ее трансформацион-

ной) не будет совершенно независима от социальной структуры в традиционном понимании. Наоборот, они, скорее всего, будут пересекаться, и характер их связи может стать темой отдельного исследования.

Эта связь тем и важна, что система критериев, через которую определяется трансформационная структура общества, очень сложна (в смысле практической невозможности проследить за всеми связями внутри системы и четко выделить ее элементы). Поэтому задача построения такой структуры общества едва ли может решаться идеологически — аналогично задаче построения одного из вариантов социальной структуры, т.е. путем выделения общественных групп по определенному набору признаков. Более перспективно решение этой задачи — через представление трансформационной структуры (ТС) как определенной проекции социальной структуры, дополненной какими-то дополнительными критериями и связями.

Сложность построения ТС вытекает, как мне представляется, главным образом из того, что она *качественно* отличается от социальной структуры — как и от практически любого варианта традиционно используемых социоструктурных схем. Дело в том, что группы, образующие социальную структуру, могут хорошо различаться между собой по всем значимым признакам, но вовсе не обязательно быть реальными. Можно, построив социальную, социально-профессиональную или другую подобную структуру, обнаружить значительные и устойчивые различия в поведенческих установках их представителей, но эти различия оказываются в большей или меньшей степени случайными — в том смысле, что они не включаются в саму структуру как параметры стратификации. В крайнем случае, может приниматься и обосновываться посылка об устойчивой связи между используемой системой стратификационных параметров и поведенческими схемами получаемых групп, как в случае с марксистским делением общества на классы, преследующие свои объективные интересы и имеющие в силу этого заданные векторы действия. Даже в случае более осторожного подхода к структуре общества привязывание к социоструктурным группам их интересов дает возможность "оживлять" структуру, объяснять взаимодействие групп и т.п., но на самом деле такой "привязанный" к группе интерес — это только гипотеза и проблема, требующая изучения, а не что-то объективно существующее.

Однако в случае с ТС все обстоит иначе. Группы, входящие в нее, по определению не могут быть номинальными. Хотя, как мне кажется, четкую границу между реальными и номинальными группами провести удастся не всегда: все зависит от того, что обозначать такими понятиями. Например, реальной считается группа, члены которой осознают свою принадлежность к ней, и их действия (любые или в конкретной области) определяются этой принадлеж-

ностью. Сразу встает вопрос о том, что значит "осознают принадлежность". Классовая принадлежность — это совсем не одно и то же, что принадлежность к культурной группе или к тендеру, и осознаются эти принадлежности с разной интенсивностью. Чтобы как-то уйти от этой нечеткости, ТС, принципиально строящаяся из реальных групп, может быть описана более точно — как совокупность коллективных агентов.

Понятие "*агент*" (*agent*) получило распространение в социологической литературе сравнительно недавно. Часто оно используется как синоним понятия *актор*, т.е. действующий субъект, но его связь с понятием *agency* придает этому слову несколько другой оттенок. Слово *agency* не очень просто перевести на русский язык, но приблизительно его смысл может быть передан как активная действующая сила. Фактически, это источник или причина всего, что происходит с обществом. Петр Штомпка описывает несколько исторически существовавших форм содержательного наполнения этого понятия¹. (Сходная классификация этих форм приводится Аленом Туреном².)

На первом этапе агенты помещаются за пределами мира, в котором живет человек, т.е. ими оказываются сверхъестественные силы — безразлично, персонализированные боги или безличные силы вроде предопределения. Они определяют все, что происходит с людьми, и влияние человека на события минимально — если существует вообще.

На втором — происходит, если можно так сказать, секуляризация понятия *agency*. Активная сила оказывается в рамках посюстороннего мира, но за пределами человеческого общества, — в качестве таковой начинают рассматривать различные законы природы (физические, биологические, климатические, географические или астрономические, а позже и экономические), которые предопределяют развитие общества в силу объективности воздействия на него.

На третьем — понятие *agency* наконец связывается непосредственно с людьми, только не со всеми, а с наиболее выдающимися. Великие люди — пророки, герои, гении, изобретатели, полководцы и т.п. — своими действиями осуществляют развитие общества, но харизматические черты, позволяющие им это делать, никак не связаны с обществом — это либо врожденные качества, либо результат направленного саморазвития великих людей.

С возникновением социологии в качестве действующих лиц и активной силы развития начинает пониматься общество как целое, развивающееся из самого себя — по аналогии с живым организмом. Впоследствии сюда же подключается понимание под агентами отдельных людей, — только с той разницей, что они представляются

¹ *Sztompka P.* The Sociology of Social Change. Blackwell, 1994. P. 191-193.

² *Touraine A.* Return of the Actor. Social Theory in Postindustrial Society. University of Minnesota Press, 1988. P. 47-63.

уже как наиболее яркое воплощение особенностей данного общества, и поэтому лучше других понимают его и способны влиять на его развитие.

Постепенно в качестве агентов начинают рассматриваться не отдельные люди и не общество как целое, а все люди вообще, но действующие не изолированно, а включенные в систему социальных ролей или в различные общественные институты, принадлежащие к разным общественным группам. Таким образом, действующие субъекты могут быть как индивидуальными, так и коллективными. Что касается ТС, то она состоит преимущественно из коллективных субъектов, хотя индивидуальные субъекты, связанные с особенно значимыми социальными ролями, тоже могут в нее включаться.

Подходы к построению трансформационной структуры

Не совсем ясно, насколько возможно построить ТС как структуру всего общества. Правда, и классовую схему ортодоксального марксизма в конечном счете можно тоже понимать как ТС, хотя вектор действий каждого из коллективных субъектов в ней предопределен, и результат этих действий известен заранее. В социологических исследованиях, однако, обычно не ставится задача представления общества как ТС (названия используются другие, но это в данном случае не важно). Рассматриваются отдельные сегменты разных уровней социальной реальности — социальные процессы, институты, организации и т.п. — и исследуется их ТС. Например, речь может идти о системе отношений внутри фирмы, о процессе формирования культурных предпочтений (вкусов) в обществе, или о ролевом поведении в рамках экономической системы. Представление того, что может быть приравнено к ТС, в каждом конкретном случае зависит от точки зрения, на которой стоит исследователь, от тех предпосылок, которые он принимает. Сведение таких фрагментарных ТС в единую картину социальной реальности представляется невозможным как из-за различий методологических подходов, характерных для разных областей исследований, так и потому, что исследуемый сегмент в каждом случае рассматривается как самостоятельная система, и все отношения внутри него определяются через нее. Таким образом, речь идет о разных субъектах действия, не сводимых друг к другу.

Другое направление исследований, которое, как мне кажется, приближается к понятию ТС общества, заключается в описании отдельных, наиболее "заметных" агентов общественного развития. В этом случае общество берется в целом, как система (хотя специально это может и не оговариваться), и анализируется влияние отдельно взятого агента на эту систему. В качестве таких агентов могут рассматриваться, например, массовые движения разной направленности, профсоюзное или рабочее движение и т.п. Как пример

можно привести исследования Аленом Туреном студенческого движения 60-х годов и польской *Солидарности* в начале 80-х годов. Связь такого агента со всей общественной системой выявляется, во-первых, через анализ состава участников движения и причин социального характера, побуждающих их примкнуть к нему. Теории элит, по существу, тоже можно отнести к этому подходу, поскольку действующими агентами оказываются элита или элиты, а всему остальному обществу отводится роль адаптирующейся к их действиям массы.

Для построения модели социального механизма трансформации естественно бы было попытаться описать не отдельных агентов, влияющих на общество, а ТС общества в целом. Мне представляются возможными два пути решения этой задачи, которые логически связываются с описанными выше подходами построения фрагментарных ТС.

Во-первых, можно выбрать процессы, значимые для трансформации исследуемой социальной системы, и описать ТС каждого из этих процессов взятого отдельно — как совокупность его макросубъектов. На следующем этапе можно попытаться как-то увязать между собой независимо полученные ТС. Но это не означает, что их надо сводить в одну, поскольку логично предположить, что общество характеризуется множественностью ТС, и все зависит от того, какой аспект социальной реальности анализируется. Один и тот же человек может быть включен в несколько таких структур, и его положение характеризуется их уникальным сочетанием. Можно попытаться построить иерархию таких ТС, которая будет разной для разных обществ.

Во-вторых, можно как бы "надстроить" ТС над выделенной по традиционным (социально-профессиональным, социально-экономическим или любым другим) критериям социальной структурой. В этом случае характер ТС будет определяться той структурой, из которой она вырастает. Фактически здесь тоже признается множественность ТС, но анализируется только один ее "срез" — наиболее значимый для целей исследования. Какую именно ТС нужно анализировать в рамках социального механизма трансформации, однозначно сказать нельзя, но применительно к современному обществу это, очевидно, должна быть ТС, надстроенная над социально-экономической структурой.

Трансформационная структура как проекция социальной

Социальная стратификация в современной социологии часто понимается как процесс, связанный с социальной активностью различных социоструктурных групп, в результате которого изменяется сама социальная структура. Активность различных групп предполагает как воспроизводство устойчивых социальных отношений

(между группами и внутри них), так и деятельность инновационного характера, направленную на преобразование социальной структуры или внешней среды. Если представить подходы к стратификации как континуум, одним концом которого будет построение набора фиксированных групп, а другим — описание стратификации как непрерывного процесса развития социальных отношений, то социальная структура — в том смысле, в каком она включается в схему механизма трансформации, — оказывается ближе к первому, а ТС соответственно ко второму. Если же исходить из того, что эти две структуры взаимосвязаны, то можно рассматривать их как две проекции одной и той же социальной реальности: в первом случае высвечивается статический аспект, во втором — деятельностный.

Но непосредственного перехода от традиционной социальной структуры к ТС не получается, прямых аналогий между элементами этих структур не удастся обнаружить. Например, можно взять предпринимателей как социоструктурную группу, выделенную по доступному набору признаков. Говорить же о группе предпринимателей как о едином действующем субъекте можно только довольно условно. С одной стороны, деятельности многих предпринимателей на микроуровне, соединяясь образуют некоторый вектор деятельности, который на макроуровне можно назвать деятельностью предпринимателей. С другой стороны, нельзя сказать, что деятельность индивидуального субъекта определяется его принадлежностью к социоструктурной группе, названной предпринимателями. Даже если мы выделяем эту группу очень строго, чтобы попадающие в нее отвечали всем требованиям "чистых" предпринимателей, из условий попадания в эту группу вовсе не следует, что конкретный предприниматель будет честно платить налоги или, напротив, постарается избежать этого, что он будет участвовать в экономическом соревновании или попытается использовать какие-то внеэкономические пути для достижения успеха, что, наконец, он станет успешным предпринимателем или его деятельность обречена на провал. При этом следует заметить, что предприниматели — это еще очень хороший случай, поскольку предпринимательская деятельность достаточно стандартна и инновационна по определению. Менее ясно, как быть с такими группами, как специалисты (даже если разделить их по уровню образования и квалификации), из которых одни осуществляют успешную восходящую мобильность, а другие не могут или не пытаются ничего для этого предпринимать. Или с государственной бюрократией, которую, казалось бы, естественно считать единой и организованной группой, но которая действует обычно не сама по себе, а с кем-нибудь "срачиваясь" — с мафией, с предпринимателями, с ВПК и т.п. Можно ли считать такие группы элементами ТС или для этого необходимо вводить дополнительные критерии, непосредственно связанные с формами деятельности? Тогда в ТС группе предпринимателей

должно соответствовать несколько подгрупп, каждой из которых будет присуща своя "функция". Но ведь эти функции непостоянны, так что естественнее, наверное, как-то учитывать условия, при которых актуализируется та или иная функция.

Можно сделать два предположения о соотношении социальной структуры и ТС:

1. Каждая группа социальной структуры имеет как бы свой набор "стратегий", причем он может быть неодинаково доступен для всех членов группы, т.е. для одной части ее членов более вероятным является осуществление одних стратегий, для другой — других. При этом разделение на эти подгруппы и выбор стратегий осуществляются по причинам, не связанным напрямую с группообразующими параметрами, задействованным в описании социальной структуры, поскольку здесь существует зависимость от внешней среды.

2. Поскольку акцент в ТС смещен в сторону социальных отношений, ее элементами могут оказаться, скорее всего, не группы социальной структуры, а их разнообразные сочетания, "коалиции". При этом одна группа может входить в несколько коалиций, и ее функционирование в рамках каждой коалиции будет различно.

Социальная структура выступает по отношению к ТС в двойственной роли. С одной стороны, позиция человека в социальной структуре определяет его доступ к различного рода ресурсам, что, в свою очередь, задает возможные варианты поведения. С другой стороны, социоструктурная позиция накладывает ограничения на возможные формы деятельности, например, через институциональные формы. Связь между группами социальной структуры и ТС в первую очередь проявляется именно в том, что первая задает рамки, исходные условия для второй. Конкретный способ, на основе которого выделяются группы социальной структуры определяет те сферы, применительно к которым можно говорить о ТС, те области, ресурсы и нормы которых связываются с группообразующими критериями социальной структуры.

Соотношение социальной структуры и ТС, очевидно, не универсально (даже если пользоваться одним и тем же набором критериев построения социальной структуры) и определяется условиями конкретного изучаемого общества. Тем не менее если провести аналогию с лучами света, преломляющимися через призму и дающими "на выходе" сочетание, отличающееся от "входящего", то такой призмой на пути от социальной структуры к ТС можно считать следующие группы факторов:

1 — факторы, связанные с культурой (в самом широком понимании этого слова) изучаемого общества;

2 — факторы, связанные с конкретным историческим моментом, т.е. с конкретной ситуацией.

Факторы первого типа могут включать материальные ресурсы, отражая уровень богатства всего общества или отдельных групп, или быть связанными с другими видами ресурсов (властными, ин-

формационными, символическими). В последнем случае их можно было бы назвать институциональными факторами, но это не очень удачно, поскольку некоторые факторы духовной культуры (нормы, традиционные схемы поведения) тоже по существу институциональны. Поэтому эти факторы названы системными — за неимением лучшего названия. Может быть, всю группу следовало бы определить как факторы, связанные с разными видами капитала, но пока оставим это как есть. Данная группа факторов задает как бы "степени свободы" деятельности для членов разных социоструктурных групп. Например, деятельность высокообразованных специалистов в бедном или богатом обществе, в обществе с высоким или средним уровнем образования и т.п. будет иметь контекстуально разное содержание (даже если формально их деятельность будет описываться одинаково), а это означает, что функции этой группы в социальном механизме трансформации также будут различны.

Ресурсы, которыми располагают социоструктурные группы, непосредственно влияют на возможные для нее формы деятельности. Тип ресурсов, наиболее значимых для группы и определяющих возможные векторы ее деятельности, меняется от группы к группе. Например, если взять специалистов, главным ресурсом для них можно считать уровень образования, следующим — уровень благосостояния, позволяющий получить образование и выбирать сферу приложения своих знаний. Таким образом, ресурсы выстраиваются в иерархической последовательности, и для понимания того, что следует ожидать от данной социоструктурной группы, может оказаться полезным представление о структуре значимых для нее ресурсов, хотя бы в связи с тем, что увеличение доступа к ним может выступать в качестве групповой цели.

Ситуацию гораздо сложнее представить формально, чем набор более или менее устойчивых факторов культуры, так как она предполагает уникальность происходящего, и классифицировать такие уникальные моменты можно очень условно. Прежде всего в эту группу факторов попадает историческая фаза общественного развития, точнее — социетальный тип общества. Кроме того, общество развивается циклично или волнообразно, такие циклы существуют в разных сферах общества (экономике, технологии, политике, науке, культуре — в ее узком понимании) и не совпадают между собой, хотя и взаимосвязаны. Активность одних и тех же социоструктурных групп поэтому будет различна в разные моменты времени. Например, в момент политического кризиса может произойти внезапная активизация каких-то социальных слоев.

К факторам ситуации можно отнести еще и внешнеполитическое положение исследуемого общества. Например, в состоянии войны все не так, как в мирное время, в условиях экономической блокады нельзя осуществить многое из того, что можно осуществить без блокады, но зато появляются условия для реализации

других форм деятельности, например, контрабанда и т.п. Все это на перевод социальной структуры в ТС может оказывать как непосредственное влияние, так и через факторы материальной культуры, т.е. через доступность различных ресурсов.

Трансформационная структура общества по большому счету может рассматриваться как двигатель трансформационных процессов в конкретном обществе. Анализируя ее, можно делать выводы о том, какие тенденции общественного развития имеют преимущественные шансы на осуществление. Невозможность непосредственного выявления этой структуры — это печальный факт, с которым ничего нельзя поделать. Но разработка алгоритма, дающего возможность на основании выделяемых по традиционным признакам групп социальной структуры общества получить карту сил, действующих в обществе или обладающих потенциальной активностью, а также наиболее вероятных векторов действий этих сил, представляется реальной задачей.